

Под пеленой ночи, когда последний призрачный свет ушел из комнаты, Кван Бомгю ворочался на чистой постели. Он повернулся на бок, но сон не спешил на помощь. Тяжесть дня еще лежала на его плечах, словно невидимый груз, и не давала покоя его усталому телу и беспокойному разуму. Все события, произошедшие за день, словно звезды на ночном небе, кружились в его голове: встреча с Чиу, перспектива обучения, будущее в тайном царстве. Но, возможно, одной из причин, что не давала ему уснуть, был тот загадочный чай, который они пили вечером.

Кван Бомгю вспомнил запах чая — аромат, что словно волшебное заклинание, оставался в его ноздрях. Парень почувствовал, как чувства обострились, а разум находился в абсолютно бодрствующем состоянии. С этим чаем было что-то не так, но он не мог объяснить, что именно. Может, это была магия, заключенная в каждом листке, каждой капле. Но не только чай был причиной беспокойства.

Кван Бомгю поднял руку и взглянул на неё, исследуя линии на ладони, как свои собственные мысли. В этот момент он понял, что неожиданная бодрость — совсем не от чая. Буря у него на душе, которая поднялась во время встречи с Сонмином и новыми возможностями, также играла свою роль. Он почти понял, но что именно его увлекало?

«Что это значит — быть культиватором? — вопрос звучал в его уме гораздо громче, чем он мог предположить. — Это не просто физическая сила или ловкость. Это глубокая связь с миром, с собой, с силами, которые выходят за рамки обыденного»

Каждое воспоминание, каждая деталь, которую он узнал о кланах и культиваторах, словно камни, попадали в воду его разума, вызывая бесконечные волны. Он вспомнил слова Сонмина о том, что их способности простираются далеко за пределы привычного. Но было и что-то иное, что волновало его ещё больше.

— Это было бы невероятно... — прошептал он, глядя в потолок, словно пытаясь найти ответы в темноте. — Но и пугающе. Такая мощь требует ответственности. Впрочем, возможности... они были бы безграничными.

Юноша не мог не улыбнуться, осознавая, какие мысли занимают его в эту ночь. В голове проносились образы, он видел себя, создающим огонь, манипулируя воздухом, ощущая потоки энергии, пронизывающие ткань реальности. Но эти образы не оставались только в его уме — он ощущал, как его сердце начинает биться сильнее, как будто реальная энергия начала пробуждаться внутри него.

— Это был бы новый способ существования. — Бомгю обратился сам к себе. — Новый мир, где мои границы будут определяться не только физическими параметрами, но и той магией, что скрыта во мне."

Он засыпал медленно, по-прежнему погруженный в свои размышления. Ночь окутывала его, но он чувствовал, что мир раскрывает перед ним новые горизонты, горизонты магии и силы, о которых раньше даже не задумывался.

Медленно, как лист, опадающий с дерева осенью, Кван Бомгю наконец сдался усталости и погрузился в сон. Ночь стала его хранителем, оберегая от повседневных тревожлений. Но сновидения встречали его, как друзья, готовые открыть двери в неизведанное. И он, как путник, проникал в этот мир. Во сне он стал наблюдателем, лишь тенью, скользящей мимо осколков призрачной реальности.

Перед ним развернулась картина: прекрасный дворец, словно вышедший из древних легенд, был наполнен жизнью. Фрейлины, одетые в изящные платья, смеялись и болтали между собой, забыв о заботах, в то время как слуги мчались по коридорам, исполняя разнообразные поручения.

Но в этом многолюдном дворце нашелся один совершенно особенный человек — маленькая девочка с золотыми волосами и голубыми глазами. Ей, казалось, исполнилось лет восемь, и она несмотря на свой юный возраст, источала ауру серьезности и утонченности, как будто являлась старой душой, заточенной в детском теле. Посреди пестрой толпы, девочка казалась почти невидимой. Её глаза, такие мудрые, словно она видит не только то, что находится перед ней, но и то, что таится за видимой реальностью. Она стояла безучастно, окруженная своими фрейлинами, которые, хоть и старались, не смогли прикрыть её от грязных интриг и блестящих увеселений.

Словно забывшись, Кван Бомгю следил за девочкой, и его сердце сжалось от сострадания. В этой невинной душе скрыта была какая-то глубокая печаль, что даже в сказочном дворце не нашла своего места. Девочка смотрела на всю эту тщетную суету с отрешенным видом, словно у неё имелась часть той мудрости, которая приходит с годами.

В сцену из сна Кван Бомгю проник, как вор, увлеченный миром иллюзий. Вдыхая атмосферу этого места, он стал свидетелем новой картины. Девочка, которую он видел ранее, изменилась. Она расцвела, как роза в саду, и стала юной девушкой, лет пятнадцати. Золотые волосы всё так же ярко сияли на солнце, а глаза выдавали тот же загадочный огонь.

Она шла по замысловатому садовому лабиринту, где цветы и извилистые дорожки создавали иллюзию неразрешимой, но прекрасной загадки. Встречаясь с лабиринтом вновь и вновь, она чувствовала себя спокойно. Её лицо светилось радостью, как первые лучи утреннего солнца, а её шаги казались легкими и свободными, как полет птицы.

Но вдруг она остановилась, словно сдерживаемая невидимой силой. Звуки голосов, доносящиеся издалека, разорвали гармонию на куски. Она внимательно прислушалась, словно пытаясь уловить каждое слово, каждый шепоток.

Разговор донесся до неё словно эхо. Двое молодых мужчин, обсуждая что-то между собой, находились не так далеко. Они стояли в том же садовом лабиринте. Чья-то злая рука создала новый поворот судьбы.

Эти два молодых мужчины оказались её женихом, маркизом Гихёном, и его младшим братом Союном. Слова, полные насмешки, горькой иронии, пронзали воздух, как стрелы. Внезапно

облако печали омрачило взгляд девушки, и радость исчезла, словно убежала в глубины души.

Она стояла там, как пойманная в силки птица, на мгновение замершая. В их едких речах прозвучала жестокость и презрение. Она чувствовала, как уязвленность смешивается с гневом, как страдание сталкивается с решимостью. Она могла бы уйти, оставив их слова позади, но что-то останавливало её.

Слова Гихёна о том, что ему скорее всего удастся завести хотя бы одну любовницу и избежать гнева тестя-короля, словно яд, поколебали остатки веры в лучшее. Тот, кто должен был стать её спутником на жизненном пути, оказался лишь бесчестным повесой.

Закрыв рот рукой, она попыталась сдержать рыдания, но ей это не удалось. Глаза наполнились слезами. Душа принцессы, — а девушка, несомненно, была принцессой, — болела, и она почувствовала, как раны на сердце становятся только глубже.

И тут, словно холодный ветер, она ощутила чей-то взгляд. Она почувствовала, как кто-то смотрит на неё издали, с уважением и состраданием. Где-то среди садового лабиринта был еще один свидетель, кто видел и понимал её боль. Это был Кван Бомгю.

Он начал идти к ней, пытаясь окликнуть. Он не мог просто стоять и смотреть. Но внезапно сон начал рассеиваться, словно дым от огня, оставляя лишь слабый след в памяти.

Кван Бомгю проснулся, впитывая последние отголоски видения. Он потерял кусочек другого мира и остался лежать, с закрытыми глазами, пытаясь поймать этот ускользающий образ. Дыхание его было прерывистым.

<http://tl.rulate.ru/book/94326/3263481>